

Елена Михалкова

Манускрипт
дьявола

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М69

Компьютерный дизайн обложки
Екатерина Елькина

Михалкова, Елена Ивановна.

М69 Манускрипт дьявола : [роман] / Елена Михалкова. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 352 с. — (Идеальный детектив).

ISBN 978-5-17-116108-8

В начале двадцатого века в итальянском монастыре была найдена зашифрованная средневековая рукопись с необычными рисунками. Тайна ее не раскрыта до сих пор.

Наталья Куликова пытается расшифровать загадочный текст, известный как манускрипт Войнич. Связано ли похищение девушки с тем, что она подошла слишком близко к отгадке?

Максим Арефьев — успешный охотник за кладами. Вот и сейчас он близок к самой большой удаче в своей жизни. Но есть люди, готовые на все, чтобы остановить его в шаге от цели.

Эдвард Келли, авантюрист и придворный алхимик, жаждет славы и богатства. Но королевский двор полон интриг и не благосклонен к чужаку. И тогда Эдвард выбирает иной путь... Таинственная рукопись поможет ему достичь желаемого. Но какова будет цена?

Три линии сплетаются в новом детективном романе Елены Михалковой. Любовь. Предательство. Вражда. Все герои романа оказываются вовлечены в водоворот, перемешавший события Средневековья и нашего времени.

Кому откроет свою тайну манускрипт дьявола?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-116108-8

© Е. Михалкова, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Рукопись Войнича (англ. *Voynich Manuscript*) — таинственная книга, написанная около 500 лет назад неизвестным автором на неизвестном языке с использованием неизвестного алфавита.

Рукопись Войнича пытались расшифровать множество раз, но до сих пор без всякого успеха.

Единственный вывод, который сделали специалисты, — текст написан на искусственном языке, имеющем четкую логическую структуру.

Книга стала «Святым Граалем» криптографии...

Большая советская энциклопедия

Книга лежит передо мной. Тонкая, не толще дюйма, и очень легкая. Я нес ее, закутав в плащ, и пару раз по дороге останавливался, чтобы проверить: не выпала ли она, не исчезла ли. Ночь тяжело дышала за моим плечом, и я оборачивался через каждые десять шагов, пока не понял, что слышу собственное дыхание.

Двери... Засовы... Скрипучая лестница — по ней давно уже не ходит никто, кроме меня... Узкое распахнутое окно, в которое врывается предутренний ветер, пробирающий до костей. Я дрожу от холода и от того, что шел по ночному городу без плаща, а вовсе не от того, что на моих руках кровь.

Я сказал — кровь? О нет! Руки мои чисты. Лезвие испачкалось, быть может, — но мне не впервой оттирать его. Нет ничего позорнее для хорошего клинка, чем не послужить по назначению своему хозяину, хотя прежде я преодолевал препятствия иными путями.

До сегодняшней ночи.

Черт возьми, надо бы выкинуть произошедшее из головы и думать о том, что ждет меня завтра... Книга лежит передо мной на столе у приоткрытого окна, по карнизу которого уже топчутся голуби, готовясь встречать рассвет.

На обложке ее ни названия, ни рисунка, ни даты. Я видал книги, украшенные столь богато, что блеск их камней затмевал блеск заключенной в них мысли. Я видел книгу, которую несли на спинах четыре мавра, и капли пота катились по лбу каждого, как если бы их ноша была каменной плитой. Я видел книгу, страницы которой были ржавыми от пролитой над ней крови.

Но не было ни одной, при взгляде на которую мое чутье шепнуло бы: «Эдвард, если она станет твоей, то изменит твою жизнь!» А моему чутью можно верить.

Первый раз в жизни, как ни смешно, я ощущаю что-то вроде благоговения. Вскоре мне придется отдать ее; вскоре чужие руки прикоснутся к тонкому пергаменту и чей-то жадный взгляд будет изучать рисунки и слова, на первый взгляд, не имеющие никакого смысла... Но пока — я ее хозяин! И хотя власть моя подобна власти обладателя запертого сундука с драгоценностями, от которого у него нет ключа, и скоро ей придет конец, — я все равно чувствую, что где-то в невидимых сферах ангелы обернулись ко мне и милостиво взирают сверху вниз, готовясь осыпать меня благами земными. А все лишь потому, что эта книга попала в мои руки.

Она изменит мою судьбу.

ГЛАВА 1

Бежать в сторону реки было ошибкой. Максим понял это слишком поздно — когда черная полоса леса осталась далеко за его спиной. Обернувшись, он увидел две одинаковые фигуры: они отделились от деревьев и пересекли дорогу, разграничивающую лес и поле. «Догонят. Как пить дать догонят».

4 Земля размокла после дождя, и вязкая грязь чавкала под его ногами. Когда двадцать минут

назад Макс выскользнул из жарко натопленной комнаты в темную прихожую, времени искать кроссовки не оставалось, и он схватил первое, что подвернулось под руку, — огромные резиновые сапоги. Теперь они хлоппали при каждом шаге, мешали, и он давно сбросил бы их, если бы не понимал, что босиком далеко не убежит: распорет ногу о какую-нибудь корягу на берегу — и, считай, все, пропал Максим Арефьев.

Почему, почему он не рванул в деревню?! Постеснялся, дурак! В самом деле, смешно: здоровый парень выскакивает из избы и начинает голосить что есть силы: «Спасите! Помогите!» Макс никогда не боялся быть смешным, но в этот раз что-то остановило его.

Может быть, то, что он не до конца был уверен в намерениях человека, сидевшего напротив него за столом?

По правде говоря, даже сейчас, проваливаясь в грязь и оборачиваясь через каждые пять шагов лишь затем, чтобы убедиться: дистанция между ним и преследователями быстро сокращается, — Макс все равно не мог поверить окончательно. Ничто не предвещало, что из человека, которого он знал много лет, в один прекрасный вечер высунется чудовище и глянет на Макса проникновенными глазами. «Я совсем забыл: как ты расшифровываешь эту бумажку?»

До этой фразы все шло нормально или почти нормально. Конечно, Максим удивился, когда в двенадцать ночи раздался телефонный звонок, а час спустя в его развалюху ввалились трое, двоих из которых он видел впервые. Но объяснение «решил заглянуть к тебе с приятелями», сказанное самым беззаботным тоном, его устроило. Правда, приятели были странноватые — молчаливые, с задумчивыми взглядами, — но Макс повидал в своей жизни немало спортсменов и делал скидку на особенности их поведения.

— Это — Сеня, а это — Гарик! — бодро представил их гость. — Бокс и гребля.

Имена тут же вылетели у Макса из головы, и мысленно он стал называть этих двоих: «Бокс» и «Гребля». Бокс расположился на диванчике, из-

влек из кармана колоду и принялся неумело перекидывать карты, то и дело роняя их на пол. Гребля занял старое плешивое кресло, согнав с него такую же старую плешивую кошку, и сидел молча, наблюдая за выражениями приятеля и лишь изредка поглядывая на Макса.

Из холодильника извлекли водку и трехлитровую банку соленых огурцов, плававших в мутном рассоле, а в морозилке нашелся желтоватый кусок копченого сала. Макс не был любителем выпивки, но приехавшие хором объявили, что грех не отметить встречу, и он не стал возражать.

— Значит, ты все-таки его нашел! — сказал гость, отодвинув пустую рюмку. — Ну что, рассказывай!

— Почти нашел, — поправил его довольный Максим. — Завтра собираюсь туда наведаться, как станет светло.

— Почему не сейчас?

— Долго объяснять... Завтра, завтра.

Гость покачал головой, усмехнулся:

— Темнишь! Тайнственности нагоняешь... Говори уж, здесь все свои.

Они по-прежнему сидели за столом вдвоем. Над их головами тихонько раскачивалась лампочка, вокруг которой вилась одинокая молчаливая муха. Она не жужжала, и от этого Макс отчего-то было не по себе.

— Может, ты Гарика с Сеней стесняешься? — догадался гость. — Они свои люди! Если стесняешься, скажи мне на ухо — я никому не передам. Или не доверяешь?

— Да при чем здесь... Хватит ерунду говорить! Доверяешь, не доверяешь... Ты же знаешь: мы — народ на всю голову сдвинутый, делимся только тогда, когда все уже в руки пришло! — Максим усмехнулся, показывая, что шутит, что все не всерьез.

Собеседник откинулся на спинку стула и безнадежно махнул рукой:

— Черт с тобой! Ну хоть про клад тогда ребяткам расскажи. Я им по дороге начал твои ис-

тории повторять — и сбился. А Сене с Гариком интересно.

Бокс и Гребля дружно посмотрели на Максима, изобразив на лицах интерес.

— Да что там такого... Ну, легенда. В каждой деревушке такие есть.

Он все-таки начал рассказывать, сперва неохотно, но постепенно увлекся. Его обычная молчаливость исчезла, сменившись заново переживаемым азартом поиска, непередаваемым ощущением близости к *тайне*, ради которого он и шел каждый раз в поход. Сидевший напротив человек время от времени прерывал Макса словами «за это надо выпить!», и они выпивали, закусывая теплыми и оттого противными огурцами, а затем он снова возвращался к своей истории, которую, кажется, рассказывал уже самому себе, а не троим визитерам.

Его собеседник слушал внимательно, и глаза у него горели. Он перебил Максима лишь один раз:

— Откуда ты знаешь, во сколько оценили ожерелье?

— Потом, потом, это неважно! — раздраженно отмахнулся Макс — Ты пойми: я все поле перерыл, весь лес исходил, у меня вон монет старинных полный мешок набрался... — Он небрежно кивнул в сторону комода, на котором были разложены тусклые кругляши. — Но чувствовал, что все не то, не то! Не успела бы она зарыть украшение. Значит, спрятала в господском доме, правильно? Но в том-то и дело, что его тоже обшарили перед тем, как сжечь! Все нашли — кроме ожерелья! По кирпичикам разобрали — так мне местный дед-краевед рассказывал, Онищев. Ходил я, ходил — все без толку! А потом понял.

Макс замолчал, вспоминая, как это было. Он действительно ходил по комнате — и вдруг *увидел*, как все произошло тогда, чуть меньше века назад. Единственное объяснение, ставящее все на свои места.

Он бросился бы к Онищеву немедленно, но тот, как назло, уехал до следующего утра, а врываться в дом к старику, ломая дверь, Макс

счел неоправданной глупостью и полным мальчишеством. В конце концов, можно и подождать одну ночь.

— И тогда ты мне позвонил... — подытожил гость, дослушав рассказ.

— Кому ж еще? — рассмеялся Макс, чувствуя, что его охватывают легкость и кураж. — Кто больше всех надо мной смеялся, а? Кто мне не верил? Завтра убедишься, что я был прав!

— А если тебе ночью кирпич на голову упадет? — пробурчал Гарик, придвинувший свое кресло вплотную к столу. — В смысле, балка? Или, там, сердчишко прихватит...

— О, тут ты в точку попал, Гарь! — расхохотался собеседник Макса. — Но на этот случай наш великий кладоискатель так подстраховался, что ему ничего не страшно. Макс, признайся, ты до сих пор самому себе записочки пишешь? Точно, пишет!

— Пищу, конечно.

Видя, что на него устремлены непонимающие взгляды, Максим пожал плечами и улыбнулся:

— Я же говорю, у всех свои бзики. У искателей ходит байка о парне, который нашел клад Степана Разина. Это, если кто не знает, легендарный клад, и многие в него верят.

— А ты?

— Даже не знаю... Пожалуй, верю. Но только не в один клад, а в несколько, которые схоронены в разных местах. Посуди сам: нелогично все яйца в одну корзину складывать.

— Давай про Разина, — не выдержал Гарик. — Нашел тот парень деньги — и что?

— Не деньги, а вход в подземелье. Искатели, которые серьезно занимаются кладом Разина, говорят, что все его схроны сделаны по берегам рек в подземельях или пещерах. Тот парень наткнулся на подземелье, вернулся к своей палатке и поехал на машине за подмогой в ближайшее село. А там по дурацкой случайности ему попались агрессивные местные подростки, которые стукнули беднягу по голове,

снаряжение отобрали, а его самого бросили валяться в кустах. Очнулся он в больнице и два месяца даже имени своего вспомнить не мог.

— Потом-то вспомнил?

— Потом — да. А вот про то, где нашел вход в подземелье, начисто забыл. Так и не вспомнил.

— Да ну, лажа какая-то... — фыркнул второй спортсмен. — Что, чуваку не под силу было снова вернуться на то место и найти вход в эту свою пещеру, или чего там Разин нарыл?

— Ты представляешь себе расстояние, которое искатель может пройти за сутки? — вопросом на вопрос ответил Макс, морщась от выпитой водки, вовремя подлитой кем-то из сидевших за столом. — Если он по всему берегу искал это подземелье, а вход, например, завален камнем, то потом хоть обыщись — не найдешь его. Я и не говорю, что эта история правдива. Просто когда я ее услышал, то выводы для себя сделал.

— И ты все-все записываешь, что в голову придет? — уточнил гость. — И шифруешь?

— Нет, конечно! Для повседневных заметок у меня есть дневник, в нем я никакими шифрами не пользуюсь. Но если что-то важное, как сегодня, то пишу самому себе письмо. На случай, если меня тоже по башке стукнут, как Витьку... Чтобы не было мучительно больно за бесцельно пройденные километры.

Он засмеялся и подумал как-то мимолетно, что совершенно опьянел. Ничего, сегодня разрешается. В конце концов, осталось подождать совсем немного, а потом он пойдет к старику, и... А вот врать насчет шифра не стоило! Не боялся он, что его стукнут, никогда и не думал об этом. Просто у всех копателей свои традиции, иногда дурацкие, иногда смешные. Суеверия, нужные словечки... Макс давно придумал свой ритуал: если после долгих поисков догадывался, в каком месте спрятан клад, тут же останавливался, доставал бумагу и ручку и записывал свою догадку, а потом подкидывал над листочком золотую монету времен Николая Второго. Была у него одна такая... тоже

непростая, счастливая. Если монета падала орлом вниз, значит, ошибся он с местом и его ждет неудача — можно смело начинать поиски по новой. Но чаще всего орел оказывался сверху, и тогда Максим поздравлял себя, еще не видя самого клада, но уже зная, что доберется до него.

Признаваться в эдаких танцах с бубном было неловко — вот он и выдумал прагматичную причину. Еще и Витьку приплел...

— Можно хоть посмотреть на твой шифр, а? Ты же знаешь: я в жизни его не разберу.

Максим вздрогнул, поднял осоловевшие глаза на собеседника.

— А правда, дай взглянуть? — поддержал того один из спортсменов — кажется, Гребля. Или Бокс. Макс уже успел забыть, кто из них кто, и от этого ему снова стало смешно.

— Па-ачему бы и не посмотреть? — проговорил он, усмехаясь и чувствуя, что язык заплетается. Определенно, последняя рюмка была лишней. Когда он рассказывал про клад, хмель не успел так ударить в голову, но вот сейчас...

Мысль Макса вернулась к бумажке, которая лежала в его нагрудном кармане. Он вытащил ее, театрально развернул, удивляясь самому себе — что это на него нашло? — и припечатал широкой ладонью к столу.

Три человека склонились над его запиской, затем отодвинулись.

— Хочешь сказать: здесь написано, где твой клад? — усомнился Гарик.

— Именно так.

— А ты не боишься, что тебе так двинут по башке, что ты и шифр забудешь? — хмыкнул второй.

Макс развел руками:

— Если так, значит не судьба! Кроме меня этот текст может расшифровать только один человек. Да и то не факт.

10 Он сощурился на бутылку, думая, что все идет просто замечательно, и ребята эти нор-

мальные, зря он счел их туповатыми, и хорошо, что они так славно сидят все вместе, а еще лучше, что скоро рассветет и можно будет пойти к Онищеву...

— Кстати, совсем забыл, — протянул гость, глядя на Макса и улыбаясь, но словно не ему, а кому-то за его спиной. — Как ты расшифровываешь эту бумажку?

В наступившей тишине вдруг громко зажужжала молчаливая муха. Спортсмены сидели почти неподвижно, но один из них тасовал колоду с бешеной скоростью, словно и не ронял неуклюже карты на пол каких-то три часа назад. Максим поднял глаза на человека, задавшего ему этот вопрос, и вдруг все понял.

Он протрезвел моментально. Все, что должно было произойти с ним в ближайшее время, читалось в глазах троих людей, ожидавших его ответа, но отчетливее всего — во взгляде того, кто задал ему простой вопрос.

На секунду время остановилось, и даже звуки растянулись: быстрый шелест карт превратился в одно долгое замедленное «ш-ш-ш-ш...». Под этот длинный однообразный аккомпанемент кто-то произнес у Максима в голове одно слово. «Бежать».

— Расшифровываю... — пробормотал Макс — Элементарно я ее расшиф... шевро... фро... ваю...

Он встал, обвел глазами комнату и прижал ладонь ко рту. Постоял, покачиваясь, а потом издал булькающий горловой звук. Судя по брезгливому выражению лица собеседника, вышло у него вполне натурально.

— Щас... — выдавил Макс — Вернусь — расскажу! Шатаюсь, он вывалился из двери в темное холодное помещение, услышав презрительно брошенное вслед: «Готов!» Сказавшему что-то ответили, но Максим плотно прикрыл за собой дверь, и обрывок фразы пропал.

За дверью все его мнимое опьянение как рукой сняло. Он схватил с вешалки куртку, сунул ноги в первое, что попало вниз, — это оказались резиновые сапоги хозяина, сдавшего Максиму свою хибару на две недели, — и, стараясь ступать бесшумно, пошел к входной двери.

Майская ночь после пролившегося накануне дождя окатила его свежей весенней сыростью и холодком. Он нырнул в эту сырость, торопливо застегивая куртку до самого подбородка, и, подняв воротник, шагнул за калитку. Спустя минуту деревня осталась за спиной.

Обернувшись, Макс увидел, что огни горят в единственном доме — там, где ждали его гости. Он сглотнул и ускорил шаг. Деревня, за деревней лес, за лесом поле, за полем река... Он повторял это про себя как стишок до тех пор, пока крыши домов не скрылись за поворотом.

Он всегда был немножко тугодумом, и Тошка посмеивалась над ним за это. Но решение идти к реке Максим принял быстро: там, в зарослях неподалеку от обрыва, один из местных рыбаков всегда оставлял свою лодчонку. На ней он и собирался перебраться на другую сторону, где в паре километров от берега раскинулось большое село. «Найду где переночевать, утром вернусь — и сразу к деду. Днем, при деревенских, они не посмеют...»

На этой мысли Макс споткнулся о корень, переползающий лесную дорогу, и едва удержался на ногах, схватившись за мокрую сосновую ветку. Длинные иголки впились ему в ладонь.

«А если я ошибся?»

До сих пор он действовал, не раздумывая, но теперь гнетущее сомнение охватило его. Вдруг он все придумал? Слишком много выпил, опьянел, из подсознания полезли страхи... Подумаешь, люди приехали к нему в гости, любопытно им стало посмотреть на человека, который ищет клады! Тем более, что он сам позвонил, на радостях выложил, что, кажется, понял, где спрятаны драгоценности Провординой. Ему хотелось поделиться хоть с кем-то, а Тошкин телефон противным голосом извещал его, что она недоступна или находится вне зоны действия сети. Черт знает что такое! Это он в своей тьмутаракани должен находиться вне зоны действия сети, а не Тошка, сидящая себе в

московской квартире и рисующая на стенах крылатых бегемотов.

И тогда он позвонил человеку, чей номер был записан следом за ее. Тому, кто сидел сейчас в домишке на окраине деревни и, наверное, недоумевал, куда же делся Максим. Пройдет еще пять минут, и он выйдет на улицу, обеспокоенный, и станет искать его — сперва в саду, — а не найдя, скорее всего, поднимет тревогу...

Чем дольше Максим стоял, тем больше убеждался, что сглупил, нафантазировал бог знает чего и теперь выставил себя в самом постыдном свете. В конце концов он вздохнул и повернулся, собираясь возвращаться и думая, как бы поизящнее объяснить свою внезапную ночную прогулку.

Дорога в бледном лунном свете просматривалась почти до самой деревни — волнистая желтая лента, густо заштрихованная с обеих сторон ветвями. И в самом начале этой ленты стояли два графически четких силуэта, похожие на вырезанных из бумаги человечков.

Макс дернулся и застыл на месте, но было поздно — его заметили. Человечки синхронно сдвинулись с места по направлению к нему и побежали, наращивая темп.

Именно их скорость убедила Максима в том, что преследователи мчатся за ним вовсе не затем, чтобы поинтересоваться его самочувствием. Отступив на шаг назад, он запнулся о тот же самый корень, вздрогнул и со всех ног бросился в сторону поля.

Они догнали его на самом краю откоса, где он задержался на несколько секунд: слишком уж страшно было прыгать вниз с такой высоты, а до пологого песчаного спуска он не успел добраться. Первый сбил его с ног с таким расчетом, чтобы Макс оказался как можно дальше от обрыва, второй ударил упавшего под дых. Толстая куртка смягчила удар, но у Макса все равно пресекло дыхание, и старая травма позвоночника дала себя знать глухой болью.

— Умный ты какой... — деловито сообщил один из спортсменов, наклоняясь над Максом и рывком поднимая его на ноги. — Давай, двигай! Топай обратно, тебя заждались!

Второй ударил снова, но на этот раз Макс успел собраться и перехватил удар.

Они не ожидали от него отпора, хотя могли бы — как-никак, он вовсе не выглядел офисным хлюпиком. Макс дернул нападавшего за руку, уклонился в сторону — и тот грохнулся на землю, проехав носом по подстилке из сосновых колючек. Обернувшись ко второму, Максим приготовился отразить нападение, но опоздал. Все-таки он имел дело с профессионалом.

Град коротких, но жестоких ударов обрушился на него со всех сторон. Макс не успевал закрываться от них, и в конце концов упал, стараясь защитить живот и лицо. К боксеру присоединился его поднявшийся приятель, и они принялись пинать Макса вдвоем, угомонившись только тогда, когда он перестал шевелиться и замер, скрючившись на холодной земле.

— Сука! — злобно сплюнул в его сторону первый. — Поднимай его, Гарик. Потацили этого урода.

Макса грубо перевернули. Тот, кто стоял, наклонившись над ним, помолчал, сопя, потом сказал с неохотой:

— Слышь, Сень, по ходу, ты его сделал. Щас коньки отбросит.

— Да и ... с ним! — огрызнулся второй. — Все равно не жилец. Хоть так, хоть эдак.

— Зря... Как без него-то? Кто теперь этот его... шифр прочитает?

— Кто-нибудь да разберет. Это фигня, а вот как нам его обратно дотащить? Давай ты обратно за машиной, а я здесь подожду.

Когда стихли удаляющиеся шаги, Макс поднял голову и застонал. Тотчас же сильный удар ногой отбросил его на шаг назад, ближе к обрыву.

— Повякай мне еще, тварь!

Макс попытался что-то сказать, но разбитые губы не слушались, и изо рта вместо слов выле-

тало неразборчивое шипение. Сделав колоссальное усилие, он приподнялся и провел ладонью по лицу. На ладони остался темный след — кровь пополам с землей. «Все равно не жилец. Хоть так, хоть эдак», — бесстрастно повторил у него в голове тот же голос, который часом ранее приказал ему бежать.

— Шифр... — выдавил Макс.

— Чего?

— Скажу... шифр...

Ему удалось сесть на колени, опираясь ладонями о землю. Один сапог свалился с него в драке, второй слетел, когда Макс упал и его начали бить. Парень в кожаной куртке стоял над ним, слегка расставив ноги, в такой позе, словно собирался помочиться на Макса.

— Скажу! — прохрипел Максим громче. — Только не убивай!

— На хрена мне твой шифр?! Где клад спрятан? А?

— Я покажу, — заторопился Макс — Вот... Здесь отмечено...

Он с трудом стянул куртку, разложил перед собой и принялся рыться в одном из внутренних карманов, стиснув зубы от боли — похоже, указательный вывихнут, а то и сломан. Спортсмен присел на корточки, заинтересованно глядя на него.

— Правда, что ль, покажешь? Ну, давай. Чего там у тебя? План, да?

— Вот. Возьми.

Ему и в самом деле было тяжело разгибать руку, чтобы протянуть зажатую в кулаке бумагу. Поэтому его охраннику пришлось наклониться, и тогда Максим со всей силы ударил его ребром ладони чуть ниже затылка. Вскочил, не чувствуя онемевшего тела, преодолел три шага, отделявшие его от обрыва, оттолкнулся — и полетел вниз, в темноту.

Черная вода под ним разошлась, а затем сомкнулась, будто сдвинулись ледяные челюсти и начали методично перемалывать попавшую в них добычу.

Макса закрутило сначала в одну сторону, потом в другую, и он уже не мог сообразить, куда